

УДК [821.161.1-1]"19"+929Бунин+929Кузнецов

ПОЭЗИЯ И. А. БУНИНА В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Ю. П. КУЗНЕЦОВА

С. Ю. Николаева

Тверской государственный университет
кафедра филологических основ издательского дела и документоведения

Поэзия И. А. Бунина рассматривается как один из литературных источников творчества Ю. П. Кузнецова, послуживший точкой отсчета и одновременно объектом творческой полемики для выдающегося поэта конца XX – начала XXI веков при создании им собственного художественного мира.

Ключевые слова: *русская поэзия XX века, романтизм, реализм, фольклоризм, И. А. Бунин, Ю. П. Кузнецов*

Литературная позиция Ю. П. Кузнецова в чём-то сродни позиции И. А. Бунина, так же как сходны между собой исторические эпохи, породившие этих двух поэтов. Бунин в своё время всячески противостоял модернизму с его изысками и экспериментами в области поэтического языка и стихотворной техники, дистанцировался от современников – великанов Серебряного века, а Кузнецов подчёркивал неприемлемость постмодернистских принципов в искусстве, считая их «обманом и подделкой», а самих представителей такого искусства – «шифровальщиками пустот» и «общих мест дроздами» [9, с. 103–104]. И Бунина, и Кузнецова настораживало «духовное одичание» современников, сопутствовавшее революционным катаклизмам в русской истории. Для обоих поэтов важнейшее значение имела литературная традиция, наследие классиков. Но при этом Бунин делал акцент на своей преемственности, обновляя, он сохранял и развивал образы, идеи, поэтику Державина, Лермонтова, Некрасова, Тургенева, Хомякова, Тютчева, Фета, Чехова, тогда как Кузнецов был настроен на полемику, спор с предшественниками, опровержение их взглядов. Кузнецов нуждался в предшественниках скорее как в точке опоры, которая помогла бы «перевернуть поэтический мир» – перевернуть не в значении «разрушить» и «отринуть», а пересоздать его с одной целью – чтобы вновь созданный им поэтический мир смог стать художественным объяснением современной действительности, её литературным инвариантом, смог выразить кузнецовскую концепцию исторической судьбы России в XX веке.

Поэзия Бунина стала одной из таких «точек опоры» для Кузнецова. В своём «Воззрении» он упомянул имя Бунина в интересном контексте – сопоставляя степени внешнего и внутреннего зрения в творчестве Ф. И. Тютчева и А. А. Фета [8, с. 13]. Реалист Бунин в этом частном замечании Кузнецова предстал как поэт, изображающий одну лишь «зримую оболочку»,

что неприемлемо для носителя ассоциативно-метафорического стиля, каковым справедливо считает Кузнецова известный литературовед В. А. Зайцев [6, с. 237]. Казалось бы, с учётом этого высказывания Кузнецова, здесь не может быть речи о преемственности по отношению к Бунину, о бунинской традиции. Но, тем не менее, эта традиция, несомненно, прослеживается в произведениях Кузнецова. Выявить её можно, во-первых, при условии более глубокого, чем ранее, прочтения поэзии Бунина, несправедливо недооценённой по сравнению с бунинской прозой, а, во-вторых, при условии, если мы учтём активно-диалогическую, полемическую, пересоздающую направленность творческого метода Кузнецова, который подчас «переписывал» стихи Бунина так, как считал нужным, можно сказать, создавал свои редакции.

В процессе сопоставительного анализа произведений двух поэтов обнаруживаются общие темы, проблемы, образы, топика, концептосфера, мотивы, сюжеты [1, с. 115–121]. Бунин и Кузнецов обнаруживают глубокий интерес к таким масштабным темам, как «человек и природа», «человек и Бог», «человек и устройство мира», «жизнь и смерть», «скоротечность жизни», «пращурь и связь поколений», «русское богатырство», «русский национальный характер и его искажения в новейших исторических условиях», «трагедии России в XX веке». Оба поэта осмысливают онтологические, аксиологические, гносеологические проблемы, создают свою художественную философию и антропологию на основе христианской системы ценностей (применительно к поэзии Бунина эту концепцию отстаивали в последние годы О. А. Бердникова [4], Т. А. Кошемчук [7], Л. А. Смирнова [11]), используют трагический, героический, сатирический виды пафоса. Но при этом Бунин всё-таки остаётся в рамках реалистического типа творчества, а Кузнецов проявляет себя как романтик и раскрывает мысли, близкие к бунинским, средствами романтической поэтики.

Очень показательна параллель, возникающая в рамках темы «человек и природа». В стихотворении Бунина «Белый олень» (1912) и в «Атомной сказке» (1968) Кузнецова использован фольклорный мотив: стрелок отправляется на охоту, а обретает потенциальную невесту. Бунин опирается на народную песню «Не разливайся, мой тихий Дунай» [2, с. 563], Кузнецов – на былины и сказки о богатыре Дунае, которые на уровне топика пересекаются с этой песней, а также на волшебную сказку о царевне-лягушке. В стихотворениях обоих поэтов происходит необычная трансформация традиционного сюжета: у Бунина Белый Олень в ответ на удар плёткой и использование самострела губит стрелка, превращая его в домоседа (этот мотив отсутствует в первоисточнике, хотя и подразумевается в общем контексте свадебной обрядовой поэзии):

Прянул Олень, увидавши стрелка,
Конь богатырский шатнулся слегка,
Плёткой стрелок по Оленю стebнул,
Крепкой рукой самострел натянул,

Да опустилась на гриву рука:
Белый Олень, погубил ты стрелка!
<...>
Тут и забавам стрелецким конец –
Будешь ты дома сидеть, молодец [5, с. 348].

В стихотворении Кузнецова Ивану удаётся погубить лягушку, никаких препятствий на его пути не возникает – лягушка-царевна, в отличие от героини волшебной сказки и в отличие от жены Дуная Настасьи, не молит о пощаде, она покорна и беспомощна:

«Пригодится на правое дело!» –
Положил он лягушку в платок.
Вскрыл ей белое царское тело
И пустил электрический ток [8, с. 52].

Однако, умертвив царевну, Иванушка губит самого себя как царского стрелка и превращается в Ивана-дурака, счастливого итогом своего бездушного эксперимента.

На уровне сюжета между стихотворениями Бунина и Кузнецова обнаруживается определённая связь: в обоих случаях лирический герой вмешивается в патриархальный мир, в мир природы, в законы его существования и тем самым ставит самого себя на грань бытия и небытия. Но у Бунина драматический конфликт разрешается благополучно: стрелок опустил самострел вовремя, сохранил жизнь Оленю, предпочёл погибнуть сам в своём прежнем качестве, понимая, что гибель стрелка означает начало его новой жизни в новом качестве – главы семьи, рода. Завершается стихотворение вполне реалистической картиной домашней, семейственной жизни героя: «... Сладким вином поезжан напою, // Всех особливей невесту твою: // Чтоб не мочила слезами лица, // Чтоб не боялась кольца и венца» [5, с. 348].

Герой Кузнецова, напротив, идёт безоглядно и бездумно своим путём до трагического конца, он переступает грань жизни и смерти, добра и зла и совершает величайший грех – убивает ту, которая могла стать его суженой и продолжательницей рода. Условность эксперимента, совершаемого Иванушкой в «Атомной сказке», очевидна. Кузнецов проявляет себя как поэт-романтик.

Бунин оказывается ближе к фольклорному источнику, создавая свою, литературную редакцию народной песни: он подробно описывает детали происшествия, делая, однако, неожиданный для свадебной обрядовой поэзии акцент на гибели стрелка. Поэт вполне убедительно объясняет, почему же стрелок не убил Оленя Золотые Рога, – потому что сам стрелок погублен Белым Оленем, т.е. побеждён любовью. Это объяснение отсутствует в народной песне, которая под пером Бунина трансформируется и становится литературным произведением, метафорически выражающим следующую мысль: человек не должен покушаться на природу, красоту, любовь, т. к. сам подвластен любви и красоте, является органической частью природы и необходимым звеном в цепи поколений. Мифологический сю-

жет становится для Бунина основой художественного мышления и помогает создать метафорический образ: Белый Олень – олицетворение природного начала, той силы, которая благословляет человека на любовь и гармонию в отношениях с миром.

Подтекст стихотворения Кузнецова более глубокий, а переплетение фольклорных сюжетов в нём более сложное. Кузнецов, кроме сказки о царевне-лягушке, явно опирается на известную былинку о богатыре Дунае, который вскрыл белое тело своей возлюбленной, чтобы убедиться, что в её чреве находится его собственное чадо с руками по локоть в золоте, ногами по колено в серебре, а, убедившись, пришёл в ужас от содеянного и убил себя своим «кинжалищем». Покушение на основы бытия оборачивается нравственной и физической гибелью для героя.

Интерпретируя содержание былинки, современные исследователи отмечают, что, «убив жену и тем самым подтвердив свою власть над ней, Дунай, однако, совершает страшный грех. Убей Дунай Настасью в бою – на то и бой богатырский (убивает же Добрыня Златыгорку). Но Дунай поднял на неё руку в тот момент, когда Настасья уже стала его женой, и не просто женой – в этом-то всё и дело! – а матерью будущего героя. И Дунай, таким образом, поднял руку на патриархальное родовое право – то самое, защищать и утверждать которое он был призван всеми своими силами. Недаром Дунай непременно проверяет слова жены, взрезывает ей чрево и обнаруживает чудесного, но – увы! – недоношенного младенца. Трагический конфликт достигает своей высшей точки именно в этот момент. По суровым воззрениям предков, потомок богатырского рода стоил дороже, чем женщина-жена, жена же ценилась в первую очередь как мать. Вот тут Дунаю и предстоит навек покрыть себя позором, вот тут грозит ему развенчание. Но не вздохнув, не дрогнув, не задержавшись даже на мгновение, Дунай совершает единственный оставшийся ему подвиг, по-прежнему утверждающий в Дунае героя, – убивает себя» [3, с. 47].

Кузнецов опирается на художественный потенциал данной былинки, он спроецировал воплощённый в ней драматический конфликт на трагические коллизии новейшей истории человечества. Фольклорный мотив он соединил с современным цивилизационным контекстом (научно-техническая революция, атом, электричество), подчёркивая условность ситуации, и рассказал сказку, но атомную, сказку на теперешний лад. Герой Кузнецова убил не просто лягушку, даже не царевну-лягушку, – он погубил будущее своего рода, будущее человечества. При этом он не ужаснулся, как Дунай-богатырь, не покончил с собой, а почувствовал блаженство от того, что обладает такой властью над миром. Лишь на уровне авторской позиции (и во многом благодаря заглавию «Атомная сказка») поступок своего героя Кузнецов толкует как самоубийственный, как преддверие гибели всего человечества.

Бунин в своём стихотворении отстаивает необходимость гармонии между человеком и окружающим миром, поэтому драматический конфликт

и разрешается у него благополучно. Кузнецов же вынужден признать, что современный человек уже перешагнул некую грань, нарушил хрупкое равновесие и теперь наслаждается псевдогармонией («*И улыбка познания играла // На счастливом лице дурака*» [8, с. 52]). Оба поэта сходятся в одном: человеческое вмешательство в жизнь природы должно соединяться с нравственностью, познание должно иметь пределы, чтобы не погубить Божий мир.

Значимость реализованного Буниным и Кузнецовым мифопоэтического сюжета об охотнике, который метился в основы мироздания, по достоинству оценил Николай Тряпкин, воплотивший данный сюжет в своей «Сказке» (1978). Если герой Бунина целится в сердцевину всего сущего (Белого Оленя), но всё-таки опускает руку, если герой Кузнецова уже бесстрастно «вскрывает» эту сердцевину («*белое царское тело*» [8, с. 52] лягушки), то стрелок Тряпкина целится и бьёт без промаха уже не просто в представителя природного мира, а в «...голубицу на Звёздном дубу // Да у Млечной реки» [12, с. 379], т.е. в Божий дух. Современный человек рушит ось мироздания, отказывается от Бога, от нравственных законов и тем самым приводит мир к Апокалипсису [10].

Таким образом, Бунин-поэт стоит у истоков важнейшей для XX–XXI веков темы – кризиса религиозно-нравственного сознания современного человека и общества, которая стала для Кузнецова и Тряпкина основополагающей, во многом определила своеобразие их художественных миров.

Общей для Бунина и Кузнецова стала также тема русского национального характера, проблема русского богатырства. И вновь единым поэтическим источником при разработке этой темы стал фольклор, в частности былинный эпос. Особое внимание поэты обращали на таких былинных персонажей, как Илья Муромец, Святогор, а также воссоздавали обобщённый образ русского богатыря.

И Бунин, и Кузнецов явственно осознавали двойственность русского человека-богатыря.

Кузнецов с восхищением говорит о русском богатырстве, любителю «*потягиванием богатыря*» [8, с. 436], но, вспоминая Илью Муромца, сидевшего на печи до тридцати трёх лет, вынужден неоднократно с горечью признавать его пассивность, мечтательность, легкомыслие: «*Страшный Суд проспал и не заметил... // Вот что значит богатырский сон!*» [8, с. 416].

В постперестроечную эпоху Кузнецов открыто обращался к современным русским измельчавшим «богатырям» с горькой укоризной, например в стихотворении «На пирушке» (2000):

В мире скука. А у нас пирушка,
Честь по чести дольний стол накрыт.
На одном конце палит Царь-пушка,
На другом Царь-колокол гремит [8, с. 415].

Когда-то Н. К. Михайловский, старший современник Чехова и Бунина, под впечатлением чеховской «Степи» рассуждал: «Читая, я точно видел силача, который идёт по дороге, сам не зная куда и зачем, так, кости разминает, и, не сознавая своей огромной силы, просто не думая об ней, то росточек сорвёт, то дерево с корнем вырвет, всё с одинаковою легкостью, и даже разницы между этими действиями не чувствует» [13, т. 7, с. 634]. Михайловский в целом верно уловил суть русского национального характера в чеховской интерпретации. Русское богатырство часто оказывается нереализованной, хотя и мощной, потенцией, остаётся лежать под спудом: «Русскому человеку в высшей степени свойственен возвышенный образ мыслей, но скажите, почему в жизни он хватается так невысоко?» [13, т. 13, с. 143]. Аналогом у Кузнецова может служить «Лежачий камень» (1997):

Трава племён шумит о лучшей доле,
Века времён обходит стороной.
А он лежит в широком чистом поле,
Орёл над ним парит в глубокий зной [8, с. 362].

Русский богатырь способен на многое, но использует свои богатырские силы не всегда, и поэтому колесо его судьбы, по наблюдениям Кузнецова, катится «по плакун-траве и по трын-траве» («Колесо» [8, с. 83]). Он способен как к глубокому философствованию, так и к легкомыслию.

Бунинская трактовка темы русского богатырства предваряет кузнецовскую, при этом эволюционирует от описательно-реалистической к условно-метафорической. В более ранних стихах (1901–1911) образ богатыря слит с пейзажем, а пейзаж пронизан историческими аллюзиями:

Стрелою скиф насквозь его пробил,
И там, где смерть ему закрыла очи,
Восстал курган – и тёмный ветер ночи
Дождём холодных слёз его кропил [5, с. 159].

В более поздних стихах Бунин непосредственно обращается к былинным мотивам и сюжетам и создает сложные историософские концепции. В произведении «Святогор» (1913) он противопоставляет современного русского человека (Ивана) былинному богатырю, показывая их неравенство в силе и духе, – нынешний Иван не способен даже оседлать Святогорова коня, а силой и ловкостью может померяться разве что с «диким татаринном»:

Он ползёт по росе, подкрадается,
Он татаринном диким гоняется,
Он за гриву хватается коня.
Ночь за ночью идёт, ворон каркает,
Ветром конь вокруг Алатыря шаркает,
Стременами пустыми звеня [5, с. 357].

Бунинская интерпретация былины о гибели Святогора и о его преемнике Илье Муромце «Святогор и Илья» (1916) как своей основной мыслью (утрата былого могущества Руси, превосходство былых богатырей над

нынешними), так и поэтикой, интонационно-ритмическим рисунком близка многим стихотворениям Кузнецова:

Но и меч не берёт: с виду рубит,
Да не делает дела, а губит:
Где ударит – там обруч готов.
Нарастает железная скрепа:
Не подняться из гробного склепа
Святогору во веки веков! [5, с. 386].

Одна из самых трудных проблем для русского богатыря – проблема нравственного выбора. Вдохновившись знаменитой картиной В. М. Васнецова «Витязь на распутье», Бунин написал стихотворение «На распутье» (1900), в котором раскрыл весь драматизм такого выбора: *«На распутье в диком древнем поле // Чёрный ворон на кресте сидит. // Заросла бурьяном степь на воле, // И в траве заржавел старый щит»* [5, с. 124].

У Кузнецова есть одноимённое стихотворение «Распутье» (1977), в котором звучат те же вопросы и возникают те же образы (необъятный простор, не постигаемый умом, одиночество и душевная отвага лирического героя, тонкая грань между жизнью и смертью, между добром и злом):

На распутье я не вижу Бога.
Славу или пыль метёт вдали?

Что хочу от сущего пространства?

Что стою среди его теснин?

Всё равно на свете не остаться.

Я пришёл и ухожу – один. [8, с. 139] (Курсив мой. – С. Н.).

Бунинская традиция прослеживается здесь довольно явственно. Исторические и былинные аллюзии Бунина в поэзии Кузнецова лишаются реалистической осязаемости, усиливаются, сгущаются до плотности символа и мифа. Стоит добавить, что о тройственном выборе жизненного пути героя-богатыря у Кузнецова речь идёт и в таком знаковом, программном для него произведении, как «Золотая гора» (1974), где богатырь выступает в ипостаси современного поэта.

Ещё одна линия преемственности между Буниным и Кузнецовым – проблема соотношения искусства и действительности, проблема назначения истинной поэзии. Стилистически очень близки стихотворения Бунина «Матфей Прозорливый» (1916) и Кузнецова «Поэт и монах» (2003). Оба написаны в форме диалога, подчёркивающей драматизм спора о сущности поэтического творчества. У Бунина спор происходит между иноком Матфеем и дьяволом, у Кузнецова между монахом и поэтом. Бунин подвергает сомнению позицию инок, который считается пророком и прозорливцем и, постоянно борясь со злом, ни в чём не видит добра и красоты:

Нет в мире для тебя святыни,
Нет заповедного ковша,
Нет сокровенного потока:

Во всех ключах ты воду пил
И всё хулил: «Вот в этом ил,
А в том – гниющая осока...» [5, с. 389].

Монах в стихотворении Кузнецова также отвергает искусство и считает его вместилищем греха: *«Искусство – смрадный грех. // Вы все мертвы, как преисподня, // И ты мертвец – на вас на всех // Нет благовестия Господня»* [8, с. 476].

Поэт у Кузнецова отстаивает право искусства воссоздавать *«живые мощи христианства»* [8, с. 478], так же как у Бунина герой-антагонист монаха осуждает его за гордыню и призывает увидеть *«в мире... святыни»* [5, с. 389]. В конце концов, монах у Кузнецова оборачивается «врагом», который *«качает поднебесьем»* [8, с. 478], а в бунинском тексте дьявол говорит Матфею: *«Ты разве хуже бес, чем все мы?»* [5, с. 389]. Иначе говоря, морализаторство и дидактизм, фарисейство и ханжество в искусстве и жизни, даже прикрытые монашеским одеянием, Кузнецов вслед за Буниным осуждает и высмеивает.

Многочисленны переключки между Кузнецовым и Буниным и в более частных темах и мотивах. Примером может служить бунинский мотив ухода в мир иной:

Настанет день – исчезну я,
А в этой комнате пустой
Всё то же будет: стол, скамья
Да образ, древний и простой.
И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку... [5, с. 424].

Так же видит след человека на этой земле Кузнецов: *«Степь да степь. Сияющая синь. // И сухая бабочка порхает»* [8, с. 367]. При этом у Кузнецова есть и такая вариация на эту тему, которая отталкивается от реалистической, по-бунински бытовой детали, но превращает её в неожиданную метафору: *«Стул в моём пиджаке // Подойдёт к телефону, // Скажет: – Вышел. Весь вышел. // Не знаю, когда и придёт»* [8, с. 47].

Ещё один пример превращения реалистической подробности Бунина (близкой к реалистическому символу) в символический образ у Кузнецова даёт нам сопоставление безымянного бунинского стихотворения 1908 г. с кузнецовской *«Зимней грушей»* (1998). Бунин показывает реальную ситуацию – наступление осени и отъезд с дачи, расставание с чем-то родным и любимым:

Дни всё светлей, всё тише, золотистой –
И ни полям, ни морю нет конца.
С корявой, старой груши у крыльца
Спадают розовые листья [5, с. 307].

Кузнецов тоже говорит о горестной утрате чего-то бесконечно дорогого – дорогого в той же мере, как душа или отчизна, напоминанием о

которой служит последняя груша. Даже цветовая гамма в обоих стихотворениях близкая – тёплая: Бунин показывает «розовые» листья старой груши, у Кузнецова груша «желтеет и созревает в тёплой руке» [8, с. 383], при этом бытовая ситуация превращается в условную, символическую, когда груша лишается ствола и корней, но всё ещё напоминает о них.

Бунинские традиции в поэзии Кузнецова – тема весьма обширная и далеко не исчерпанная, требующая дальнейшей работы. Но всё-таки уже сейчас можно сказать, что полемическая направленность творческого мышления Кузнецова на художественный мир Бунина позволила поэту конца XX – начала XXI века создать образ своего времени, раскрыв его связь с бунинской эпохой, с мироощущением русского человека конца XIX – начала XX века. Драма русской жизни, начинавшаяся при Бунине и воссозданная им правдиво, в основном реалистическими средствами, обрела особую остроту в эпоху Юрия Кузнецова и раскрылась в его романтической поэзии.

Список литературы

1. Алькаева, З. Бунинские мотивы в любовной лирике Юрия Кузнецова [Текст] / З. Алькаева // Юрий Кузнецов и Россия : материалы IV Международной конференции, посвящённой творческому наследию Ю. П. Кузнецова. – М. : Изд-во Литинститута им. А. М. Горького, 2011. – С.115–121.
2. Бабореко, А. К. Комментарии [Текст] / А. К. Бабореко, О. Н. Михайлов // Бунин, И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 9 т. / И. А. Бунин. – М. : Худож. лит., 1965. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы. 1886–1917. – С. 520–577.
3. Балашов, Д. М. Русский былинный эпос [Текст] / Д. М. Балашов, Т. А. Новичкова // Былины : в 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – СПб. : Наука, 2001. – Т. 1 : Былины Печоры: Север Европейской России. – С. 21–78.
4. Бердникова, О. А. «Так сладок сердцу Божий мир». Творчество И. А. Бунина в контексте христианской духовной традиции [Текст] / О. А. Бердникова. – Воронеж : Воронежская областная типография-издательство им. Е. А. Болховитинова, 2009. – 272 с.
5. Бунин, И. А. Собрание сочинений [Текст] : в 9 т. / И. А. Бунин ; под общ. ред. А. С. Мясникова и др. – М. : Худож. лит., 1965–1967. – Т. 1. Стихотворения и поэмы. 1886–1917. – 1965. – 596 с.
6. Зайцев, В. А. Русская поэзия XX века: 1940–1990-е годы [Текст] : учеб. пособие / В. А. Зайцев. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 262 с.
7. Кошемчук, Т. А. Русская поэзия в контексте православной культуры [Текст] / Т. А. Кошемчук. – СПб. : Наука, 2006. – 639 с.
8. Кузнецов, Ю. П. Крестный ход: Стихотворения и поэмы [Текст] / Ю. П. Кузнецов. – М. : Сова, 2006. – 640 с.
9. Кузнецов, Ю. П. Стихотворения [Текст] / Ю. П. Кузнецов. – М. : Эксмо, 2011. – 480 с. – (Всемирная библиотека поэзии).
10. Николаева, С. Ю. «Под сенью философской...» (Русский космизм в поэзии Ю. П. Кузнецова и Н. И. Тряпкина) [Текст] / С. Ю. Николаева // Юрий

- Кузнецов и Россия : материалы IV Международной конференции, посвящённой творческому наследию Ю. П. Кузнецова. – М. : Изд-во Литинститута им. А. М. Горького, 2011. – С. 93–114.
11. Смирнова, Л. А. Золотой сон души: О русской литературе рубежа XIX–XX вв. [Текст] / Л. А. Смирнова. – М. : Водолей, 2009. – 392 с.
 12. Тряпкин, Н. И. Горящий Водолей [Текст] / Н. И. Тряпкин. – М. : Молодая гвардия, 2003. – 494 с.
 13. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем [Текст] : в 30 т. Сочинения : в 18 т. / А. П. Чехов ; редкол.: Н. Ф. Бельчиков (гл. ред.) и др. – М. : Наука, 1974–1983. – Т. 7 : Рассказы и повести. 1888–1891. – 1977. – 736 с. – Т. 13 : Пьесы. 1895–1904. – 1978. – 564 с.

IVAN BUNIN'S POETRY IN THE CRATING MIND OF JU. KUZNETSOV

S. Ju. Nickolaeva

Tver State University

Department of the philological foundations of publishing and documentation

Ivan Bunin's poetry is regarded as one of the literary sources of creativity Ju. Kuznetsov, which served as a reference point and at the same time the object of controversy for creative eminent poet end XX – early XXI centuries to create their own art world.

Keywords: *Russian poetry of the XX century, Romanticism, Realism, folklorism, Ivan Bunin, Ju. Kuznetsov*

Об авторах:

НИКОЛАЕВА Светлана Юрьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры филологических основ издательского дела и документоведения Тверского государственного университета, e-mail: synikolaeva@rambler.ru, 170100, Тверь, ул. Желябова, 33.